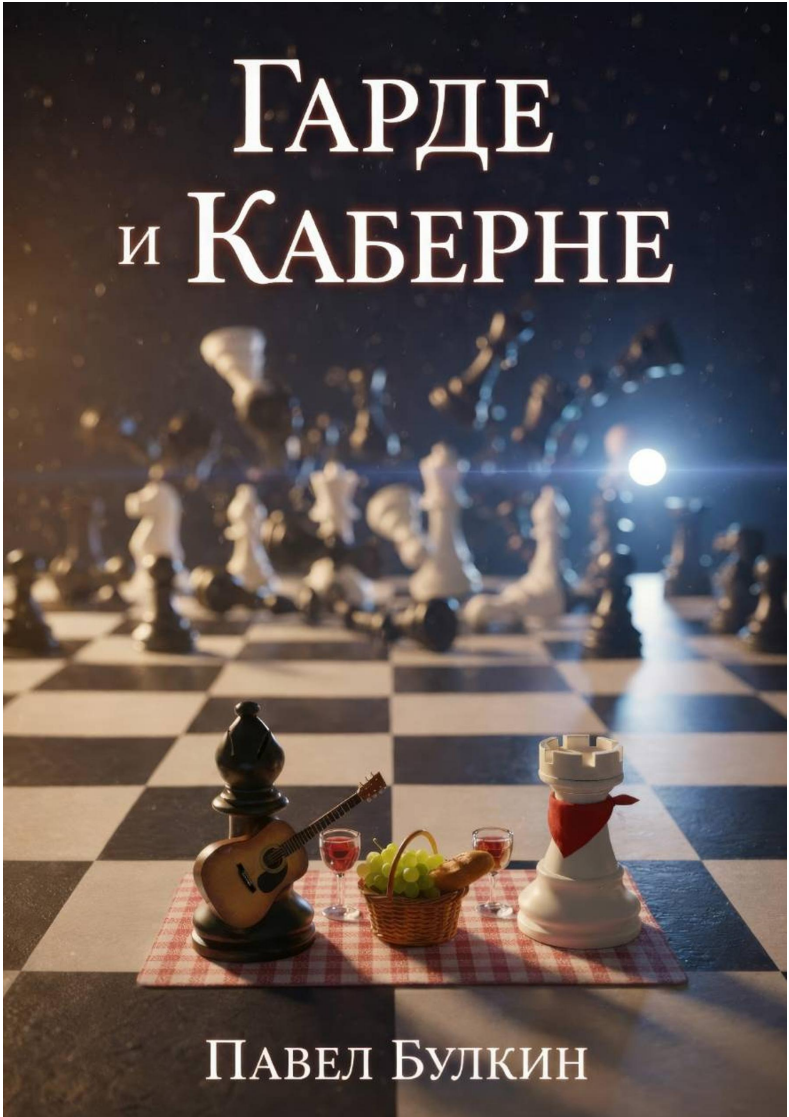
Гарде и Каберне



Павел Булкин

Павел Булкин

Гарде и Каберне

Серия «Трилогия «Выбор»», книга 1

https://litres.ru/73439938
SelfPub; 2026

Аннотация

Промокшая девушка, севший телефон и музей, который не отпускает до рассвета.

Мариса забегает в MASP — главный музей Сан-Паулу — чтобы переждать ливень. Бесплатный вход. Пустые залы. И экскурсовод, которого она не ждала.

Он расскажет ей о Диогене, фламандском мясе и чёрных квадратах. Она расскажет ему — кто она. Если сможет.

Короткая история о том, что жизнь задаёт простые вопросы, а мы делаем вид, что не слышим.

Павел Булкин
Гарде и Каберне

Сан-Паулу не умеет плакать тихо.

Когда в январе приходят дожди, город сдаётся сразу – без предупреждения, без тех вежливых прелюдий из серых облаков, к которым привыкли в других частях света. Здесь небо просто обрушивается. Одним махом, точно кто-то опрокинул океан на двенадцать миллионов голов. Вода бьёт по крышам небоскрёбов, захлёбывается в водосточных трубах, превращает улицы в мутные реки, которые несут с собой пластиковые стаканчики, обёртки от мороженого пиколе и чьи-то потерянные надежды добраться до дома вовремя.

К семи вечера Авенида Паулиста – главный хребет города, его бетонный позвоночник – уже утонула. Фонари горели размытыми пятнами в пелене ливня, словно далёкие маяки. Автобусы ползли по проспекту, как раненые животные, разгребая бамперами воду. Из-за их окон смотрели десятки лиц – одинаково усталых, одинаково смирившихся. Час пик в сезон дождей – это особый круг ада, который Данте не описал только потому, что никогда не бывал в Бразилии.

Воздух пах мокрым асфальтом, выхлопными газами и чем-то сладковатым – то ли жасмином с чьего-то балкона, то ли жжёным сахаром из палатки, где ещё полчаса назад торговали попкорном. Теперь палатка стояла пустая, с хлопаю-

щим на ветру тентом.

Девушка бежала.

Не так, как бегают по утрам жители кондоминиумов Жардинс – в дорогих кроссовках, с наушниками, с выверенным ритмом дыхания. Она бежала так, как бегают люди, которых застала стихия: неуклюже, отчаянно, прижимая к груди сумку, перепрыгивая через потоки воды и проигрывая каждому из них. Кроссовки хлюпали. Джинсы потемнели до колен, потом до бёдер, потом стало всё равно. Волосы – длинные, тёмные – прилипли к лицу и шее, и она не убирала их, потому что обе руки были заняты: одна прижимала сумку, другая пыталась удержать равновесие на скользкой плитке тротуара.

Где-то сзади раскатился гром – низкий, утробный, такой, от которого вибрирует грудная клетка. Вспышка молнии высветила силуэты деревьев на разделительной полосе, на мгновение превратив их в скрюченные человеческие фигуры.

Она увидела здание.

Вернее – она увидела пустоту. Огромный прямоугольник сухого пространства, парящий над землёй. MASP стоял над Авенидой Паулиста, как портал в другое измерение: колоссальная бетонная коробка, поднятая на четырёх красных опорах, – и под ней, между этими опорами, было сухо. Не совсем сухо – ветер заносил брызги, по краям собирались лужи, – но это была крыша. Это было укрытие.

Она влетела под бетонный козырёк и остановилась, упёршись ладонями в колени. Дыхание вырывалось рваными толчками. Сердце колотилось так, будто пыталось выбраться наружу. Несколько секунд она просто стояла, глядя на стену дождя в полуметре от себя – сплошную, почти непрозрачную, подсвеченную рыжим светом фонарей.

Отдышавшись, она выпрямилась и полезла в сумку.

Смартфон. Мокрый. Экран мигнул – тускло, болезненно – и погас. Она нажала кнопку ещё раз. И ещё. Чёрное зеркало отразило её лицо: мокрое, бледное, с тёмными полукружьями под глазами.

– Merda, – сказала она тихо.

Без телефона – ни такси, ни карты, ни номера, по которому можно позвонить. Она огляделась. Под зданием было почти пусто: несколько человек жались к опорам, пара скейтеров сидели на корточках, глядя на ливень с тем философским спокойствием, которое бывает только у людей, которым совершенно некуда спешить.

Она подняла голову.

Над широкой лестницей, ведущей наверх, светились красные буквы: MASP. Музей искусств Сан-Паулу. За стеклянными дверями наверху горел мягкий, тёплый свет – жёлтый, ровный, спокойный. Свет, который обещал сухой пол, кондиционированный воздух и, может быть – может быть – розетку.

Она посмотрела на дождь. Потом на лестницу. Потом сно-

ва на дождь.

Ливень и не думал заканчиваться. Наоборот – казалось, он только набирал силу, словно кто-то там, наверху, проверял, сколько ещё может выдержать этот город.

Она перекинула сумку через плечо, убрала мокрые волосы за уши и начала подниматься по ступеням.

Стеклянные двери разъехались перед ней бесшумно, впуская внутрь, – и за её спиной остался город, дождь и всё, что она знала о своей жизни до этого вечера.

Хотя последнего она пока не понимала.

Внутри было тихо.

Не просто тихо – а тихо так, как бывает только в местах, которые построены для тишины. Ливень, секунду назад бивший в уши сплошным белым шумом, остался за стеклом – приглушённый, далёкий, почти нереальный, словно кто-то убавил громкость мира до минимума. Стеклянные двери закрылись за спиной, и Мариса почувствовала, как воздух изменился: сухой, прохладный, с едва уловимым запахом дерева и чего-то ещё – может быть, старой бумаги, может быть, масляной краски, может быть, того особенного ничего, которым пахнут музеи.

Она стояла на входе, оставляя на светлом полу мокрые следы, и чувствовала себя так, будто вломилась в чужой дом. Вода стекала с джинсов, с кончиков волос, с ремешка сумки – тонкими ручейками, образуя вокруг неё маленькую лужу.

Она посмотрела на свои кроссовки – каждый шаг издавал тот отвратительный чавкающий звук, который в тишине музея казался неприлично громким.

Пространство вокруг было просторным – высокие потолки, мягкий рассеянный свет, ощущение воздуха и геометрии. Впереди угадывался вход в первый зал. Где-то в глубине здания что-то негромко гудело – вентиляция, наверное. И больше ничего. Ни голосов, ни шагов, ни музыки. Только тихий, ровный покой, от которого Марисе стало почти неловко за собственное мокрое, взъерошенное, загнанное существование.

– Boa noite!

Мариса вздрогнула.

Из-за стойки, которую она не сразу заметила, вышла девушка – примерно её возраста, невысокая, с короткой стрижкой и широкой, совершенно искренней улыбкой, которая казалась чуть ли не противоестественной для восьми часов вечера в пустом музее. На ней была форменная футболка с логотипом MASP и бейдж с именем – Летисия.

– Вы промокли! – сказала Летисия таким тоном, будто сообщала радостную новость. – Хотите полотенце? У нас есть бумажные.

Она уже протягивала пачку, не дожидаясь ответа. Мариса взяла – машинально, не совсем понимая, почему работник музея так радуется появлению мокрой, жалкой незнакомки за час до закрытия.

– Obrigada, – пробормотала Мариса, промокая лицо и шею. – Я просто… мне нужно переждать дождь. Я зайду, постою немного и…

– Вы пришли на выставку? – перебила Летисия, и глаза её блеснули.

– Нет, нет, я… – Мариса покачала головой. – Не знаю, я вообще не… Мне бы только… У вас нет розетки где-нибудь? Телефон сел.

– Есть, есть, конечно. Внутри найдёте, – Летисия махнула рукой в сторону залов. – Но раз уж вы здесь – посмотрите выставку! – Вы наш последний посетитель в последний день выставки.

– Спасибо, но я правда ничего не понимаю в искусстве, – Мариса выдавила улыбку – вежливую, извиняющуюся. – Я просто постою, обсохну и…

– Сегодня вход бесплатный, – сказала Летисия.

Она произнесла это так, как произносят последний аргумент – спокойно, почти мимоходом, зная, что он сработает.

Мариса помедлила. Посмотрела в сторону стеклянных дверей – за ними ливень стоял стеной, плотный, безнадёжный, без единого намёка на то, что собирается заканчиваться. Потом посмотрела в сторону залов – тёплый свет, сухой пол, обещание розетки.

– Ладно, – сказала она. – Посмотрю. Но я правда ничего в этом не понимаю.

– Это совершенно не обязательно, – ответила Летисия и

снова улыбнулась – так, будто Мариса только что сказала именно то, что от неё ждали.

Летисия вышла из-за стойки и указала куда-то вправо. Мариса проследила за её рукой.

На стене висели часы. Обычные, круглые, с белым циферблатом и тонкими чёрными стрелками. Без пятнадцати девять. Нет – Мариса пригляделась – без двух минут девять.

– Ровно в девять начинается экскурсия, – сказала Летисия. – Каждый час. Придёт экскурсовод, проведёт вас по залам. Вам вообще ни о чём не нужно думать – просто идите за ним.

Мариса моргнула.

– Экскурсия? – Она оглянулась – на пустой вестибюль, на пустую стойку, на пустые кресла вдоль стены. – Но… тут же никого нет. Кроме меня.

– И это прекрасно, – сказала Летисия невозмутимо. – Персональная экскурсия. Вам повезло.

– Но…

– Всё будет хорошо, – Летисия произнесла это мягко, но с той странной окончательностью, которая не оставляет места для вопросов. – Подождите здесь. Две минуты.

И она ушла.

Просто развернулась и пошла – обратно за стойку, потом куда-то вглубь, за угол, – и через несколько секунд её шаги стихли, и Мариса осталась одна.

Совсем одна.

Она стояла перед входом в первый зал и слушала тишину. За стеклом шумел дождь – далёкий, как воспоминание. Вентиляция гудела – ровно, монотонно. Больше ничего.

Мариса заглянула в зал.

Просторное помещение, залитое мягким светом. Картины – или что это было – стояли на стеклянных подставках посреди пространства, не на стенах, а будто парили в воздухе, как развешенное бельё. Она читала где-то, что это фишка MASP – прозрачные мольберты. Но сейчас, в пустом зале, без единого человека, они выглядели иначе. Как окна. Или как двери, которые забыли закрыть.

Никого.

Ни посетителей, ни смотрителей, ни охранников. Никого.

Мариса отступила назад и посмотрела на часы.

Секундная стрелка ползла по нижней дуге циферблата – медленно, деловито, равнодушно. Прошла шестёрку. Семёрку. Двинулась вверх – мимо восьмёрки, мимо девятки, – и Мариса поймала себя на том, что не может отвести взгляд. Что-то в этом ритме – мерном, неумолимом – было гипнотическим. Стрелка прошла десятку. Одиннадцать. Подбиралась к двенадцати.

Мариса замерла. Перестала дышать.

Пять секунд. Четыре. Три.

Стрелка коснулась двенадцати.

Девять ноль-ноль.

– Добро пожаловать на выставку.

Голос раздался прямо за её шеей. Так близко, что она почувствовала движение воздуха – лёгкий, тёплый выдох – на мокрой коже, чуть ниже затылка.

Мариса вздрогнула – всем телом, от позвоночника до кончиков пальцев – и обернулась.

Перед ней стоял корги.

Собака. Вельш-корги-пемброк. На задних лапах. Ростом ей примерно по пояс. В жилете – классическом, английском, из тёмно-серого твида с тонкой полоской, – в аккуратно завязанной бабочке в мелкий горох и в очках с чёрной прямоугольной оправой, которые сидели на его широкой лисьей морде с таким достоинством, словно он родился в них.

Он смотрел на неё снизу вверх – внимательно, спокойно, с выражением вежливого профессионального терпения.

Мариса не закричала. Не отпрыгнула. Не сделала вообще ничего из того, что, по логике, должен сделать человек, увидевший перед собой собаку в очках и бабочке, стоящую на задних лапах.

Она просто онемела.

Рот открылся, закрылся, открылся снова.

– Я… – сказала Мариса.

Корги чуть наклонил голову набок. Одно ухо дёрнулось.

Он ждал.

– Я… – повторила Мариса.

– …запрыгнули в последний вагон, – закончил за неё кор-

ги.

Голос у него был приятный – глуховатый, спокойный, с той чуть насмешливой интонацией, которая бывает у людей, привыкших говорить перед аудиторией. У людей. У собак. У… Мариса моргнула. Корги поправил очки передней лапой – коротким, невозможно человеческим жестом – и кивнул.

– Ну ладно. Пойдёмте.

Он развернулся и пошёл – неторопливо, деловито, цокая когтями по полу. Хвостик – короткий, пушистый, нелепый – слегка покачивался из стороны в сторону.

Мариса стояла. Рот её по-прежнему был приоткрыт. Палец по-прежнему указывал на вход в первый зал – тот самый, со стеклянными мольбертами, который она видела минуту назад.

Корги остановился у другой двери – левее, меньше, незаметнее – и обернулся через плечо. Через твидовое плечо.

– Это постоянная экспозиция, – сказал он, кивнув в сторону, куда указывала Мариса. В его тоне была мягкая снисходительность преподавателя, объясняющего первокурснику разницу между аудиториями. – Нам сюда.

И Мариса пошла за ним.

Она не могла бы объяснить почему. Может быть, потому что ноги понесли сами. Может быть, потому что мозг, столкнувшись с говорящей собакой в жилете, просто отключил критическое мышление и перешёл в режим наблюдателя. А может быть – и эта мысль была самой пугающей – по-

тому что всё происходящее казалось совершенно естественным. Как во сне, который знаешь, что сон, но не хочешь просыпаться.

Над дверью, в которую они вошли, висела вывеска. Строгий шрифт, белые буквы на тёмном фоне:

GARDE E CABERNET

Мариса не успела подумать, что это значит, – потому что зал, открывшийся перед ней, забрал все мысли разом.

Он был разделён пополам. Не условно, не метафорически – буквально. Ровная, безупречная линия рассекала пространство надвое: левая сторона была чёрной – стены, потолок, всё, – а правая сияла белизной, чистой, молочной, почти слепящей. Переход был мгновенным, без полутонов, без градиента, словно кто-то разрезал мир бритвой. А пол – пол был выложен чёрно-белыми клетками. Крупными, идеально ровными, уходящими от их ног вглубь зала и чуть дальше, туда, где в центре стояло что-то – Мариса не разглядела что, потому что корги остановился и повернулся к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.